

ническим субстантиватором, как и *росше*; оба слова склоняются как существительные.

Итак, мы рассмотрели ряд диахронических субстантиваторов различного происхождения, но с общими особенностями. В отличие от субстантиваторов синхронного плана это слова, не мотивированные омонимичными именами прилагательными или не имеющие адъективной парадигмы склонения.

Процесс синхронической субстантивации в диалектной речи, в отдельных словообразовательных типах, исконных для системы говора, протекает очень активно, вовлекая в словопроизводство огромное количество мотивирующих прилагательных. Диахронические же субстантиваторы не составляют значительных пластов в диалектной лексике.

Условные сокращения

- А — д. Акчим Красновишерского района
Пермской области
В — Верещагинский район
К — Кишертский район
Кн — Кунгурский район
Кр — Краснокамский район
Н — Нытвенский район
О — Ординский район
П — г. Пермь
С — Сивинский район
Сл — г. Соликамск
Ч — Чердынский район

¹ Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 134.

² Немченко В. Н. Способы русского словообразования. Горький, 1979. С. 5.

³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 6.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей // Вопросы словообразования и синтаксиса. Свердловск, 1969.

⁶ Лопатин В. В. Способы именного словообразования в современном русском языке (Нулевая аффиксация, субстантивация): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1966; Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967; соответствующие разделы в Грамматике современного русского литературного языка (М., 1970) и др.

⁷ Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования. С. 207.

⁸ Там же.

⁹ Мошова А. А. Субстантивированные прилагательные цвета в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1979.

¹⁰ Отдельные особенности местной речи передаются орфографическими средствами.

¹¹ См. список сокращений в конце статьи.

¹² Палевская М. Ф. Омонимия как следствие лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 17.

¹³ Примеры взяты из статьи: Лопатин В. В. Субстантивация как способ образования. С. 232.

¹⁴ О словах типа *братова*, *сватова*, *родова* см.: Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья*, *зверье* в русском языке. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 207.

¹⁵ В такой же огласовке эти слова см.: Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные. С. 24. *Я на вершинной не умею ездить; Она боронит на вершинной, на вершину-ту залезет.*

¹⁶ Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования. С. 211. О производных способа нулевой суффиксации в пермских говорах см.: Мошова А. А. О взаимодействии литературного языка и диалектов на уровне словообразования // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1981.

¹⁷ А. Ф. Марецкая считает слово *вешна* второй производной основой от *весна*, в иной огласовке, но то, как данная производная основа образовалась, «требуется дополнительного анализа», что совершенно справедливо. См.: Марецкая А. Ф. Слова с корнем *веси(a)* в русских народных говорах // Диалектная лексика. Л., 1971. С. 88.

¹⁸ Ср.: *подроща* в Словаре В. И. Даля — «запоздалые всходом и ростом хлебные стебли, среди рослых. // Молодая лесная поросль, по вырубке или выжиге лесу. См. словарную статью «Подрастать» (М., 1956. Т. 3. С. 199).

А. И. КУЗНЕЦОВА
Московский университет

РЕЛИКТЫ ИСЧЕЗНУВШИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В докладе «О предмете исторической дериватологии» С. Ю. Адливанкин попытался очертить в области словообразования круг проблем, которыми должна заниматься историческая дериватология. Среди них, в частности, перечисляются такие взаимосвязанные проблемы, как история отдельных моделей словообразовательного процесса (образчик анализа такого рода можно найти у самого С. Ю. Адливанкина¹); формирование словообразовательных моделей, история способов словообразования; история «конкурентной» продуктивности; реальные деривационные акты и их историческое переосмысление и др.²

В решении одних вопросов лингвисты продвинулись уже достаточно далеко (много работ написано по истории отдельных моделей словообразования — см. исследования Ю. С. Азарх, В. Н. Виноградовой, И. В. Гореловой, Н. М. Шанского

го; активно изучаются конкурирующие дублиеты в истории языка — см. работу Г. Елитте об абстрактных существительных в древнерусском языке³ и т. д.); анализ других вопросов лишь начинается. Исследований по дистрибуции морфем в древности пока нет совсем. Между тем в древнерусском языке были возможны сочетания суффиксов, не встречающиеся в современном русском языке. Они указывали, например, на образование новых абстрактных существительных непосредственно от уже имеющегося в языке другого абстрактного существительного, в силу чего возникала большая дублетность (вариативность) производных форм в языке, ведущая к их конкуренции и постепенному исчезновению одних форм и сохранению других, причем обычно исчезали слова с большим количеством морфем, особенно имеющих одно и то же значение (абстрактности, лица и т. п.).

В словаре абстрактных существительных Г. Елитте, служащем приложением к их монографическому описанию, приводятся существительные, которые образуются с помощью суффикса *-ьств(о)* от существительных с суффиксами *-знь*, *-снь*, или *-ость*: *боязньство*, *богобоязньство*, *басньство* (ср. возможность образования в древнерусском прилагательных на *-ьск* от существительных на *-снь*: *басньский*), *укоризньство*, *приязньство*, *хитростьство* (и *хитроство*); в Словаре русского языка XI—XVII вв., в словаре И. И. Срезневского, частотном словаре русского языка XVI—XVII вв. А. А. Грузберга, книге Ю. С. Азарх, примеры из которых даются в дальнейшем обычно без специальных отсылок на них, можно наблюдать аналогичные случаи: *безбоязньство*, *старостьство* (иногда встречаются явления наложения — *староство*⁴), *благобоязньство*, *уностьство*.

В монографии Ю. С. Азарх⁵ перечисляются *nomina agentis* м. р., образованные от других *nomina agentis* мужского рода, типа *дЕлательникъ*, *благодЕлательникъ*, *блудничникъ*, *вратарьникъ*, *овчарникъ*, *служительникъ*, *исходатаинникъ*. Образование таким способом *abstracta nomina* и *nomina agentis* способствует возникновению словообразовательной модели с избыточным суффиксом деятеля или абстрактного существительного. Язык стремится избавиться от плюралистичного указания на одно и то же значение, в результате подобные формы не сохранились в языке. Зато класс существительных женского рода характеризуется наличием в слове двух суффиксов со значением деятеля, из которых второй обладает специфическим, дополнительным значением женскости. Таких слов было много в древнерусском языке, распространены они и в современном русском языке (в «Обратном словаре русского языка» их приводится около 270): *владЕтельница*,

вратарьница, *гадательница*, *кѣрмительница*, *служительница*, *учительница*, *ходатаинница* и др.

Подобно тому как из языка исчезли словообразовательные модели, по которым образовывались *abstracta nomina* и *nomina agentis* от других *abstracta nomina* и *nomina agentis* (с двумя формально разными, но семантически одинаковыми значениями), были утрачены и рекуррентные модели словообразования, по которым образовывались, главным образом, наименования детенышей от названий детенышей путем удвоения форманта *-ичь*. Фактически уже на очень ранних этапах развития языка стало возможным говорить о сложном суффиксе *-ичичь*: *господичичь*, *кормичичь*, *кормиличичь*, *таимичичь*, *стричичь*, *богатичичь*⁶.

Можно привести примеры и других, отмеченных в древности, а затем бесследно исчезнувших словообразовательных моделей. Однако нередко словообразовательная модель не бесследно исчезает из языка, а сохраняется в морфемной структуре нескольких (иногда одного-двух) слов современного русского литературного языка. Так, типичным было образование абстрактных существительных с суффиксом *-ьств(о)* от прилагательных на *-лив*: *нестрашьливьство* (ср. *страшьливьствие*), *потакъливьство*. В современном литературном языке сохранилось лишь слово *прозорливство*.

Большой интерес представляют слова современного русского языка, в которых (в отличие от только что приведенного примера) древние словообразовательные модели реализованы лишь в виде «осколков» суффиксов. Относительно статуса таких суффиксальных реликтов часто возникают споры. Как правило, эти «суффиксы»-монстры, оставшиеся в слове при морфемном анализе после «извлечения» из слова корня (*-алей*, *-вов*, *-евел*, *-елин*, *-евик*, *-ерд*, *-елив*, *-злив*, *-лан*, *-люг*, *-менн*, *-нин*, *-утк*, *-уточ*, *-харь*, *-чак*, *-чук*, *-чонок* — всего около 50 на 50 тыс. исконных русских слов и древнейших заимствований), зафиксированы в одном-двух, реже — в трех-четырех и совсем редко — в шести-семи словах. Подобные единичные суффиксы являются своеобразным сигналом того, что когда-то данное слово образовалось по модели, утраченной современным языком; эту модель можно пытаться искать либо в истории языка, либо в современных диалектах.

Например, в лингвистической литературе обсуждался вопрос о выделяемом в морфемной структуре слов *повествовать*, *чествовать*, *участвовать*, *властвовать* суффиксе *-вов*, не встречающемся с другими корнями. По предположению В. В. Лопатина, это результат наложения на корневую финаль *ств* суффикса *-ьств(о)* перед словообразующим глаголь-

ным формантом *-овать* (*участь + ъств + овать*), хотя доказательств данного положения не приводится⁷.

Действительно, в словарях Г. Елитте, А. А. Грузберга, книге Ю. С. Азарх содержатся примеры образования абстрактных существительных на *-ѣств(о)* от существительных на корневую финаль *ств*, а от них — глаголов на *-овать*, в которых полная цепочка суффиксов и финали *ств* основы, т. е. последовательности *-ствѣствовать*, уже нигде не зафиксирована: *повѣство* → *повѣствовати* (но не **повѣствѣствовати*; есть глагол *извѣствовати*, видимо, возникший по тому же образцу, но нет существительного **извѣство*), *властво* (*четверовластво, языковластво*) и *владство* → *властвовати* (при наличии и *владствовати*) или *страство, простѣство*, от которых глаголов не встречается. Обычно считается, что в этих глаголах современного русского языка не усекается корень, а сокращается суффикс: от суффикса остается лишь последний согласный *в*, слившийся с последующим суффиксом *-ов* в сложный суффикс *-вов*, хотя можно полагать, что суффикс *-ѣств* не претерпел никаких изменений, а редуцировался корень (вместо *власт* — *влад*, вместо *вѣст* — *вѣ* и т. д.). Можно признать также существование в современном языке чередующихся алломорфов *влас-/влад-*, а не *власт-/влад-*, тогда суффиксом следует объявить не *-вов*, а *-твов*. Указанные примеры обращают на себя внимание несоответствием типичному инвентарю морфем современного языка и побуждают к изысканиям в области исторической дериватологии.

Между морфемной структурой слова и процессом словообразования существует определенная взаимосвязь: каждый новый словообразовательный шаг запечатлевается в составе морфем слова. В языке часто исчезает производящая основа, что ведет к процессу опрощения, а это, в свою очередь, связано с формированием сложных суффиксов, бинарность строения которых после утраты базиса (производящей основы) воспринимается с известным трудом. В качестве примера можно взять слова, имеющие в своем составе суффикс *-ej* (графически это может быть *-ея* или *-ей*), часто выступающий в последовательностях *-ейк*, *-ейн*, *-ейск*, *-еец*, *-ееч* как их составной элемент.

В «Обратный словарь русского языка» (1974) включено более 80 слов, кончающихся на *-ея*, и приблизительно столько же — на *-ей*. Среди 80 слов на *-ея* около 60 — иностранные, в них ударное *-ej(a)* обычно входит в корень (*камея, одиссея, рея, фея...*) или, реже, выступает в качестве суффиксального элемента, но не образующего слово, а выделяемого в его составе как результат вычленения корня

(*психея, галерея, музеея...*). Из остальных русских или давно обрусевших слов около 10 имеют *ej* в корне: *шея, телогрея, затея, шлея, уклея* (ударение обычно падает на *-ej*, исключение составляют *шлейя, ячейя*). Наконец, в считанном количестве слов *-ея* = *-ej — (a)* — суффикс.

Модель на *-ея* считается непродуктивной⁸: существительные обозначают лицо женского пола (*швея, жнея, ворожеея*⁹), производящее действие, названное мотивирующим глаголом несовершенного вида; конечная гласная инфинитивной основы отсутствует, ударение приходится на флексию. Хотя в основном с суффиксом *-ej* (*-ея*) встречаются существительные женского рода со значением лица¹⁰, с этим суффиксом возможны также существительные со значением предмета, животного, явления или процесса (*колея, верея, толчея*¹¹, *змея*).

В литературном языке слова с суффиксом *-ej* (*-ея*) представлены единичными примерами; большинство слов на *-ея* бытует в диалектах, где особенно много отглагольных образований со значением женскости (*варея, плетея, плясея, печея, писея, резея, смотрея, торчея, трясея, трусея, стряпея, качея, помазея...*) или предметности (*верея, веретея, колея, ледвея, мачазея, толчея...*), в меньшей мере — со значением животного (*индея, ищея* «ишейка» наряду со значением лица общего рода «истец»), со значением абстрактности, процессуальности и др. В современных говорах образование существительных на *-ej — (a)* изредка возможно не только от глаголов, но и от имен (*толстея, ханжея, грамотея, голея*). В древнерусском языке и в языке старорусского периода отыменные образования встречаются значительно чаще¹². Так, в апокрифическом памятнике «Ложные слова, написанные еретиками на пакость невеждам попам и диаконам» есть ложные молитвы, из которых наиболее популярными были в свое время молитвы об изгнании лихорадочных болезней, представленных в виде 12 окаянных дев со следующими именами: *Гнетея, Трясея, Желтея, Пухлея, Огнея, Ледея, Холмея, Скорчея, Знобея, Сухотея, Невея*.

В словарях древнерусского и старорусского языков приводятся формы на *-ея* (*-ья*), исчезнувшие не только из литературного языка, но и, видимо, из диалектов: *млЕя* «та, кто мелет», *зубрЕя* «зазубрина», *вохрЕя* «охра», *бархатЕя* «бумажный бархат», *мелея* «мельница», *поклажея* «поклажа» (ср. *келарея*) и др.

Суффикс *-ея* особенно широкое распространение, судя по фиксации в словарях, получил в старорусский период, когда начал использоваться даже для оформления собирательных существительных, например, *казачея* «казачество», и когда

появилось множество новых слов иностранного происхождения.

Из всех перечисленных слов с суффиксом *-ея* в литературном языке бытуют только существительные *швея, жнея, ворожея* (они даются в словарях современного русского языка без особых помет); одновременно функционируют и однокорневые с ними слова *швейный, жнейка, ворожейка*, где суффикс *-ея* с последующими суффиксами трактуется не как последовательность, сочетание суффиксов, а как единый суффикс *-ейк, -ейн, -ейск*. Наличие в этих сложных суффиксах элемента *ея* часто свидетельствует о существовании в древности или в современных диалектах слов на *-е[я(-а)]* или *-ея(-ья)*. Так, в современном русском литературном языке есть слова *ищейка, лазейка, индейка, плетейный, швейный* (ср. *ищя, лазя, индея, плетя, швея*). Точно так же наличие в слове сочетаний *-еец, -ееч* указывает на то, что в современных диалектах или в древнерусском языке эти слова имели суффикс *-ея/-ей* (*лазеечка, путеец — лазя, путея*).

Особый интерес представляют иноязычные слова с указанными суффиксами: *армеец, армейский, линейка, лилейный, компанейский, библейский* и т. п. Как могли возникнуть такие формы с *-ея* при существовании современных слов *армия, линия, лилия, компания, библия*? В старорусский период и затем в XVIII в. были широко распространены дубликаты на *-ея/-Ея* и *иа/-ия*, что часто объяснялось источником заимствования: *армея*¹³ /*Ея/ей* и *армия* (из фр. *armée* или нем. *Armee*; ср.: пол. *armeja*, укр. *армЕя*). Окончание *-ия* Фасмер считает «ошибочной регуляризацией вместо старого *-ея*», которое в XVIII в. «воспринимается как вульгарное»; *лилЕя-лилия* (из пол. *lelija*, укр. *лелія*); *кампанея — компания; библиея — библия; линея — линия, кацЕя/иа/ья* (из греч. *ιογιν* «жаровня») (ср. *лядвеея — лядвия, колея — колия*). Точно так же наличие *-ея* в словах *адмиралтейский, канарейка, канареечка* легко объяснимы бытующими в XVIII в. формами *адмиралтея* и *канарея*.

Во всех приведенных и аналогичных им иноязычных словах *-ея* представляет собой не формант, а конец основы, заимствуемой русским языком из другого языка, и лишь позднее, в результате сопоставления со многими производными, появившимися уже на русской почве от данной основы, он выделился в качестве самостоятельного морфа; при этом нередко наблюдались случаи совпадения *-ея* с суффиксом языка-источника.

Таким образом, анализ слов на *-ея* (суффикс *-ея*¹⁴) показал, что хотя в настоящее время по этой модели новые сло-

ва не образуются, в прошлые века модель была достаточно активна. Свидетельство тому — большое количество современных слов с морфемной структурой, содержащей субморф *-ей* = *[-ej]* в сочетаниях типа *-еец, -ееч, -ейк, -ейн, -ейск, -ейств* и т. п., несмотря на то, что слов с суффиксом *-ея* (или *-ей*) в несвязанном виде сохранилось в литературном языке очень мало (3 — на *-ея* и около 20 — на *-ей*).

Когда в словах современного русского литературного языка выделяются единичные, редкие суффиксы, возникает мысль об утраченных моделях и о необходимости поиска их. Как правило, такие модели можно обнаружить, хотя порою с большим трудом, обратившись к материалам диалектов или к историческим данным. Например, в слове *низменность* однозначно опознается корень *низ-* и суффикс-формант *-ость*. Остаточный морф *-менн* — единичное явление в современном литературном языке. Выделение в слове *ячмень* суффиксального морфа *-мен* (ср. *ячневый*) позволяет предположить, что и в словах *низменный, низменность* были суффиксы *-мен-н* (ср. *яч-мен-н-ый*). Данные диалектов и древнерусского языка подтверждают существование модели, хотя и малопродуктивной: в древнерусских летописях зафиксированы деадъективы на *-мень* *сухмень, узмень, голомень, глухмень*, а также *житмень*, бытующие и в современных говорах¹⁵. Вероятно, встречалось и **низмень* (ср. прилагательное *низменьный*), но не сохранилось, а современный субморф *-менн* — реликт исчезнувшей модели (в современном языке, следовательно, вряд ли правомерно производить прилагательное *низменный* от прилагательного *низкий*, как это делает Русская грамматика (1980, § 675)).

В Русской грамматике (1980, § 314) указывается на непродуктивный тип существительных, образованных от прилагательных с помощью суффикса *-ядь*¹⁶. Завершившийся в настоящее время процесс образования слов от прилагательных с помощью суффикса *-ядь* отражен в существительных *пестрядь, чернядь* (вариант *чернеть* «утка»), *рухлядь* и разговорном *мокрядь* (все слова имеют дубликаты на *-едь*). В этих словах суффикс выделяется однозначно, но квалифицируется как непродуктивный. В словаре И. И. Срезневского приводятся помимо перечисленных с этим же суффиксом слова *старядь, сирядь*, в Словаре русского языка XI—XVII вв. — *зернядь, крупнедь* и др. В монографии Ю. С. Азарх отмечаются также существительные *зароследь, ровнядь* (к этому же ряду можно отнести *площадь*, образованное от *плоский*), *быстредь*¹⁷; последнее слово бытует и сейчас в говорах Среднего Приобья¹⁸. В пособии по словообразованию «Опыт обратного диалектного словаря» (под ред. М. Н. Ян-

ценецкой. Томск, 1973) зафиксировано существительное *збледь* и т. д.

Суффиксы, представляющие собой остаточные (обычно единичные) морфы, в древности, а иногда и в настоящее время в диалектах, были словообразующими, т. е. с большей или меньшей активностью участвовали в процессе образования новых слов, о чем напоминают нам в современном языке нерегулярные, часто единичные, суффиксы, либо сохранившиеся в прежнем виде от прошлых эпох (*-ядь, -ej*), либо изменившие в ходе развития свой внешний облик — сросшиеся из двух (*-мени*) или испытавшие наложение (*-вов*)¹⁸.

Реликты исчезнувших моделей словообразования можно наблюдать в структуре русского слова и среди префиксальных морфем. В современном русском литературном языке в качестве остаточных морфем в словах *позволить, дозволить, обиход, обыденный, предисловие* и их производных выделяются морфы *з-, оби-/обы-, преди-*. В древнерусском языке и в современных диалектах можно обнаружить большие ряды слов, содержащих эти морфы. Следовательно, в языке существовали активные словообразовательные модели, по которым образовывались, например от глагольной основы, слова с префиксами *оби-/обы-*, приставочные или производные глаголы с префиксом *з-*. Префиксы *оби-/обы-* и *з-* в настоящее время даже не зафиксированы в Русской грамматике-80. Между тем в словаре Срезневского приводятся такие глаголы с приставкой *оби-*, как *обизаряти* «озарять», *обизрЕти* «осмотреть», *обишти* «обойти», *обисияти* «окружить сиянием, сиять вокруг», *обистояти* «окружать, осиливать», *обиступати* «обступать», *обисЕсти* «окружить, обойти», *обитЕкати* «обходить», *обиходити* «обходить» (ср. *обиход* «правило, имущество»), *обихыщати* «захватывать, похищать», *обияти* «объять», *обиЕдание* «прожорливость»¹⁹. В основном эта приставка присоединялась к глаголам движения или глаголам видения.

Вариант *обы-* зафиксирован лишь в слове *обыденный* «однодневный». В говорах можно обнаружить (помимо глагольных) немало отыменных образований, причем круг производных значителен (*обизор* → *обизорный* и *обизоркий* → *обизорник* и *обизорница* → *обизорничать* → *обизорничанье*; ср.: *обыденный, обыденки* «сутки», *обыночный* и параллельно *обиночно* = *обночь* «в одну ночь, за ночь», *обымеки* «догадки»). Количество образований с *обы-* в говорах увеличилось. Например, если в древнерусском языке, судя по словарю Срезневского, существовал только глагол *обизрЕти*, то в диалектных словарях отмечаются глаголы *обызреть* «призреть,

приютить, помочь» (ряз.) и *обызреть* «увидать, усмотреть», распространенный в южных областях.

Выделяемый в глаголах *позволить, дозволить* и производных от них существительных субморф *з-*, как результат польского влияния (*z-, ze-*), пришел из украинского языка (*из-, з-*) и функционировал в древнерусском языке в качестве приставки вместо *из-* или *вз-* (позднее, по свидетельству В. И. Даля, префикс *з-*, пришедший из белорусского языка в тверской, псковский, калужский говоры, начал заменять также префиксы *с-, воз-* и др.: *зрадоваться* — *возрадоваться, звеселиться* — *возвеселиться*).

В словарях древнерусского языка можно обнаружить целые ряды слов с префиксом *з-*: *зволити, злихой, зливаться, зголовие* = *вззголовие* «изголовье, нижняя подушка», *знемочи* «изнемочь», *знутри, здавна, зломить* «изломить», *збърнүти* (вместо *вззбърнүти*, ср. *збърнутая* «крюковой знак I!»), *змысли* (из пол. *zmyslic*), *змерлыи* (из пол. *zmarly*), *змиловати* и др. Приставки *з-* = *из-* в церковнославянских словах соответствуют народной русской приставке *вы-* (*зрасти* = *израсти*: *вырасти*; *збити* = *избить*: *выбить* и т. п.). В словаре А. А. Грузберга приведен глагол *здоволить* с метатезой приставок (вместо *дозволить*).

В современных русских говорах (не только южных и юго-западных) широко бытует приставка *з-*, соответствующая литературным префиксам *из-* или *вз-*:

збалмошный	зблениться	звестить	збавить
звизгивать	здор	здержки	збаловаться
зволноваться	здымать	зволить	звизгивать
знуздать	звар	здалека	зранить
збудоражить	згрустнуть	зредка	ззаябнуть
зрослый	зреветь	знурить	згальяться и т. п.

В отличие от приставок *оби-/обы-, з-* префикс *приди-* (в существительных *предисловие, предисловиик*) был распространен в более позднее время (в старорусский период) и в меньшей мере. Он зафиксирован главным образом в причастных формах *придидущий, предитекущий, предихотящий, предивышеннаписанный, предиписанный, предиглаголаный, предипомянутый, предипущенный, предиреченный*; ср. также: *предисловие, предисловейцо*.

Итак, обнаруженные в современном русском литературном языке единичные (нерегулярные, редкие, аномальные, омертвевшие и т. п.) морфы не являются в настоящее время

формантами, не служат средством образования новых слов. Они представляют собой реликты древних словообразовательных моделей (как продуктивных, так и малопродуктивных), позволяющие восстановить эти модели. В связи с этим может быть поставлен вопрос, существенный для исторической дериватологии: если в настоящее время есть морфы, которые не представляют собой форманты, то встречаются ли в языке такие морфемы, которые никогда не были регулярными, никогда не выступали в качестве форманта?

¹ Адливанкин С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

² Адливанкин С. Ю. О предмете исторической дериватологии // Деривация и история языка: Тез. докл. Пермь, 1985. С. 3.

³ Mitte H. Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen. Frankfurt am Main, 1982. Т. I—II.

⁴ Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII в. Пермь, 1974.

⁵ Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 97—98.

⁶ Кузнецова А. И. Словообразовательный круг в русском языке // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. Вып. 6. С. 149—150.

⁷ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 38.

⁸ В Русской грамматике (М., 1980) речь идет о процессе словообразования, однако очевидно, что такие слова, как *швея*, *жнея*, не образуются заново от глаголов *шить*, *жать*, а наследуются целиком от прошлых эпох; не случайно в подобных ситуациях в Русской грамматике говорится о том, что «суффикс выделяется», а не «с помощью суффикса образуется»... (с. 298).

⁹ «В деловом языке старорусского периода слово *ворожся* принадлежит к именам общего рода. Оно употребляется обычно со словами, уточняющими пол называемого лица: баба *ворожся*..., *ворожей*, мужиковъ и бабъ (Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 119).

¹⁰ Отмечены корреляты м. и ж. р., например, *ворожся* — *ворожей*, *грамотея* — *грамотей* или, в старорусский период, *золотошвея* — *золотошвей*. Помимо коррелятов по роду в старорусский период (реже — в древнерусский) встречались варианты рода на *-ея* — *-ей*: *брижалея*, *-ей* «краска», *армея*, *-ей*; ср.: *зодЕя*, *-Ей* «каждое из созвездий зодиака».

¹¹ В литературном языке *толчея* означает «мельница ударного действия и (разг.) «давка, толкотня». В говорах Среднего Приобья *толчея* — «то, чем толкут» (Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья) / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983).

¹² Аналогично, если в современном русском языке образования на *-ба* только отглагольные (*ходьба*, *борьба*, *резьба*), то в древнерусском языке они могли быть мотивированы и именами (*нечистьба*, *прЕдъстражьба*) или имели двоякую мотивировку (*лѣстьба*, *лѣчьба*). Реликтом этой модели является морф *-ебн* (*лечебный*).

¹³ В древности существовал омоним *армея*, *армеа* «вид солений» (болг. «квашеная капуста»).

¹⁴ Суффикс *-ej* в древнерусском мог выступать как *-bj*. С помощью суффикса *-bj* также образуются в древнерусский и старорусский периоды существительные со значением женскости от существительных с суффик-

сом *-(a)ль*, *-унь* и другими и от заимствований; модель малопродуктивна, но все-таки появление слов на *-льа* было живым процессом: *ткальа* «ткачиха», *бральа* «ткачиха, изготавливающая браную ткань», *купальа*. В современных говорах представлен также этот модификатор суффикса *-ей*, *спальа*, *ткальа*, *пральа*, *вральа* и др. См.: Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983; Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1986. Вып. 1—21; Опыт обратного диалектного словаря / Под ред. М. Н. Яценецкой. Томск, 1973; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. В современном русском литературном языке суффикс *-j(a)* после основ на *-аль* не встречается, но является продуктивным средством образования существительных со значением лица женского пола (после суффикса *-ун*).

¹⁵ Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 17.

¹⁶ Едва ли правильно называть подобные суффиксы (*-ядь*, *-ej/-ея* и др.) современного литературного языка формантами, т. е. словообразующими, поскольку с их помощью в настоящее время уже не образуются новые слова. В Русской грамматике, с одной стороны, говорится, что это — словообразовательные суффиксы, т. е. суффиксы, участвующие в создании хотя и непродуктивных, но новых моделей словообразования; с другой стороны, во всех случаях, когда речь идет о редких, единичных суффиксах, указывается: «выделяются суффиксы... в словах...», что возможно в случае морфемного анализа.

¹⁷ Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 187.

¹⁸ История языка знает случаи «оживления» какой-либо утратившей активность и продуктивность словообразовательной модели (Кузнецова А. И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов (на материале русского языка) // Деривация и семантика: слово — предложение — текст. Пермь, 1986. С. 47).

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1893—1903. Т. I—III.

Б. С. ШВАРЦКОПФ
Институт русского языка АН СССР

О ХАРАКТЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Закономерно процесс фразеологического словообразования связывать с деривацией, понимаемой как механизм образования более сложных из более элементарных единиц. Основание для этого дает языковая природа фразеологической единицы (далее — ФЕ), сама ее сущность (еще Е. Д. Поливанов считал фразеологию «соизмеримой» с синтаксисом, а объектом фразеологии — «индивидуальные значения конкретных словосочетаний»¹). При этом мы будем опираться на два такие основополагающие тезиса теории деривации, как а) интеграция единиц низшего уровня в составе единицы высшего уровня (Э. Бенвенист) и б) преобразующий характер интеграции, когда значения или функции более сложно организованных единиц не сводимы к значениям или функциям их составляющих (Е. Курилович)². Тем самым фразеологическое словообразование можно рассматривать в качестве процесса формирования ФЕ как вторичных единиц.